

А. РОТШТЕЙН

(Англия)

ИЗ ИСТОРИИ АНТИВОЕННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В АНГЛИЙСКОЙ АРМИИ В 1919 г.

В начале ноября 1918 г. первая мировая война быстро приближалась к концу. Армии Антанты вели повсюду стремительное наступление против разваливавшегося Четверного союза. Болгария и Турция к этому времени уже вышли из войны. Третьего ноября капитулировало и правительство Австро-Венгрии. Германские армии поспешно оставляли территорию Франции и Бельгии. 7 ноября немецкие эмиссары перешли линию фронта и запросили французское командование о перемирии. Весь английский народ, включая и вооруженные силы, с нетерпением ожидал сообщения о прекращении военных действий.

Стремление масс покончить с войной усиливалось и под влиянием ухудшения положения в самой Великобритании. В стране свирепствовала «испанка». Только за первую неделю ноября от этой болезни умерло 7 тыс. человек. Как никогда раньше население ощущало тяжесть возросших цен на продовольствие, нового увеличения квартирной платы, ограничений передвижения по стране. С сентября 1918 г. на угольных шахтах, судостроительных верфях и машиностроительных заводах быстро нарастало забастовочное движение под руководством комитетов фабрично-заводских старост (шоп-стюардов) и других левых организаций.

Несмотря на это, правительство пыталось сохранить условия первого периода войны. Оно отказалось прекратить призыв на военную службу семейных мужчин старше 45 лет, продолжало с той же жестокостью проводить политику репрессий. Сотни социалистов по-прежнему были заключены в тюрьмы или лагеря для интернированных за противодействие войне. Среди них был известный трибун рабочих Глазго Джон Маклин, объявивший в тюрьме голодовку. В середине октября полиция произвела налет на Центральный Комитет Британской социалистической партии и конфисковала несколько тысяч экземпляров ленинской работы «Уроки революции»; некоторые из ведущих активных деятелей партии, выходцев из России, были арестованы без предъявления им какого-либо обвинения и подлежали высылке. В конце октября было возбуждено судебное преследование против редактора антивоенного социалистического еженедельника «Workers' Dreadnought» Сильвии Панкхерст. 5 ноября, через день после того как державы Антанты в демагогических целях объявили о праве народов на самоопределение при заключении мира, палата общин значительным большинством голосов отвергла резолюцию ирландских членов парламента, в которой предлагалось предоставить право на самоопределение Ирландии.

Такова была обстановка в стране к моменту заключения 11 ноября 1918 г. перемирия с Германией. Английский народ возлагал много радужных надежд на подписание соглашения о перемирии. Но прошло всего несколько недель, и ликование и песни, которые были слышны в день перемирия, уступили место унынию и угрюмому гневу. Оказалось, что правительство не собиралось проводить общую демобилизацию. 12 декабря было объявлено, что «всеобщая демобилизация еще не может быть начата» и что будут демобилизованы лишь определенные группы высококвалифицированных рабочих (в частности, шахтеры), а также мужчины старше

41 года. Не дал никаких обещаний по этому вопросу в своих манифестах, адресованных избирателям перед выборами, состоявшимися 14 декабря, в Ллойд Джордж.

Мало того, 28 декабря стало известно, что главный цензор направил всем крупным газетам письмо, в котором предлагалось не комментировать условия мира. Первое место на страницах официальной печати начали занимать сообщения о «продвижении большевистских армий на Запад», о «красной угрозе Европе» и об «ужасах большевизма». Повсюду в армейских лагерях распространялись известия о подготовке к отправке весьма крупных сил в Россию.

И это были не только разговоры. В армии началась активная официальная пропаганда и вербовка добровольцев для интервенции.

Через 10 дней после перемирия на Западе я был переведен из Ирландии в новую воинскую часть — в метеорологическое отделение инженерных войск, находившееся около местечка Стокхендж на большой равнине Солсбери-Плейн (в Южной Англии), отведенной под военные лагеря. Я, как и почти все переведенные одновременно со мной военнослужащие, никогда не был знаком с метеорологией. Все мы получили среднее образование, а некоторые до призыва в армию были студентами (например, пишущий эти строки) или учителями. Тем не менее никто из нас ранее не занимал никакой «интеллигентской» должности в армии; многие побывали на фронтах. Делалось много догадок и произносилось немало бранных слов по поводу нашего перевода после окончания войны.

Наше недоумение быстро рассеялось. Однажды в начале декабря 1918 г., после того как мы всего около 10 дней обучались нашей новой «профессии», нам сказали, что представитель военного министерства приедет в нашу часть и будет вербовать добровольцев для экспедиционных сил, высаженных в Северной России; этим добровольцам предстояло работать в качестве специалистов-метеорологов в военно-воздушных силах.

Я еще в апреле 1917 г., до призыва на военную службу, вступил в Британскую социалистическую партию. Почти в это время партия решительно стала на сторону большевиков. В июне 1917 г. «The Call» писала, что «Ленин еще раз оказался прав, потребовав с самого начала создания правительства революционного пролетариата в городе и деревне». После июльских дней газета осудила кровавые преступления керенских и черетели. 4 октября «The Call» заявила: «Советы должны взять власть», а 18 октября она предсказывала, что Всероссийский съезд Советов 7 ноября установит «подлинно революционную власть». 23 ноября 1917 г. Британская социалистическая партия объявила о своей поддержке Октябрьской революции, заявив, что «социалисты — подлинники, а не фальшивые — захватили бразды правления» и что «впервые мы видим, как у нас на глазах установлена диктатура пролетариата». Таков был непоколебимый курс партии. Совсем недавно, в октябре 1918 г., «The Call» писала: «Нас — членов Британской социалистической партии — часто называют английскими большевиками. Мы принимаем это название с гордостью. Мы не можем представить себе большей чести, более благородного имени».

В течение 18 месяцев я читал эти высказывания и соглашался с ними. Теперь мне стало ясно, что нужно оправдать мое членство в такой партии. Но мне было только 20 лет, и у меня не было никакого опыта работы в массах, если не считать «опыта» капрала, командовавшего взводом. Поэтому с некоторым душевным трепетом я в тот вечер, когда пришло сообщение о приезде представителя министерства, вежливо попросил присутствовавших в комнате отдыха солдат уделить мне внимание и обратился к ним с речью. Я солгал бы, сказав, что могу припомнить что-то большее, чем общее направление своих мыслей. Я могу вспомнить лишь, что говорил о жестокостях царского режима, о Советах, о политике правительства Ленина и о желании русского народа, чтобы его оставили в покое. Я говорил о корыстных мотивах, которыми руководствовались английское и французское правительства, начавшие интервенцию в Россию. В заключение речи я сказал, что многие, вероятно, не согласятся с моими политическими взглядами, но я надеюсь, что все они откажутся вмешиваться в попытки русского народа решать свои собственные дела.

Меня слушали очень внимательно. Когда я сидел, на минуту воцарилось молчание. Затем один из старших военнослужащих сказал, не вставая с места: «Ну, капрал Ротштейн, я думаю, вам не следует беспокоиться, что кто-то из нас пойдет

добровольцем. С нас всех достаточно проклятой войны и проклятой армии». Послышавшись гул возгласов одобрения, многие подошли ко мне и стали дружески хлопнуть по плечу. Только один рядовой, юноша 18 лет, отвел меня в сторону и чуть ли не со слезами на глазах попросил войти в его положение. Он готовился стать метеорологом-профессионалом еще до призыва, и поэтому ему необходима практика для того, чтобы сделать карьеру на этом поприще. Я предупредил его, что если он поедет на Север России, то его «карьера» может внезапно оборваться.

На следующий день представитель военного министерства, майор генерального штаба, обратился к нам с «проповедью» о том, какое зло большевизм и как благородно будет помочь экспедиции в Архангельске. Он прельщал добровольцев тем, что они будут получать дополнительно 24 шиллинга в день (в то время солдат получал 10,5 шиллинга в неделю). Затем наш командир сказал: «Добровольцы, два шага вперед». На этот призыв откликнулся только тот юноша, о котором я упоминал выше. Я редко видел людей, которые были бы так поражены, как представитель министерства: он побагровел... Это была полная наша победа.

В том же месяце в армии произошло еще несколько аналогичных случаев.

Впрочем, как оказалось, было преодолено лишь первое препятствие. Через неделю после описанного выше события большинству из нас был дан продолжительный рождественский отпуск, что было общим явлением в армии той зимой. Моя семья поехала на берег моря впервые с августа 1914 г., и я присоединился к ней в Борнмуте с приятной перспективой возвращения в часть не раньше 2 января. Читатель может себе представить, что я почувствовал, когда через семь дней получил телеграмму: «Немедленно возвращайтесь в часть». По возвращении я узнал, что вместе с шестью другими военнослужащими, которых тоже вызвали из отпуска, я подлежал принудительной отправке в Архангельск! Позднее выяснилось, что и в других частях было широко применено принуждение для тех, кто отказался добровольно участвовать в интервенции против Советской России. Нас начали посещать с готовителем к отправке. Тем временем в Англии продолжала нарастать волна забастовок. Железнодорожники пригрозили фактически всеобщей забастовкой и добились удовлетворения своих требований (6 декабря); работники военных заводов организовали широкие демонстрации и послали депутацию к министрам в Уайт-Холл; 100 тысяч прядильщиков 19 декабря добились повышения заработной платы на 30% в результате 10-дневной стачки.

Напряженная обстановка в стране усиливала антивоенные настроения в армии. Внезапно последняя сама перешла к решительным действиям. Вечером 2 января 1919 г. представители 2 тыс. солдат из 12 различных частей, ожидавших в Фолкстонском транзитном лагере отправки во Францию, собрались и решили, что никто не станет грузиться на пароход, если не будет дана гарантия демобилизации. На следующее утро после побудки никто не встал. Позднее, по заранее обусловленному сигналу трех барабанщиков, все солдаты выстроились без оружия и предъявили свои требования пораженным офицерам. В порту были выставлены пикеты, чтобы не допускать туда никого, кроме канадцев и австралийцев; однако солдаты из доминионов также отказались садиться на пароход, когда узнали, что происходит. Делегаты встречали воинские эшелоны, прибывавшие на станцию, и их «пассажиры» присоединялись к стачке. 4 января в Фолкстоне собралось 10 тыс. солдат. Они прошли по городу под приветственные возгласы населения и устроили митинг, на котором был образован «Солдатский союз» с выборным комитетом во главе. Во второй половине дня сэр У. Робертсон, занимавший пост начальника имперского генерального штаба до 1918 г., прибыл из Лондона вместе с другими высшими офицерами, встретился с членами солдатского комитета и согласился удовлетворить все их требования: немедленно демобилизовать тех, кого ждет работа, предоставить недельный отпуск для всех остальных с целью подыскания работы и дать гарантию против каких бы то ни было преследований за это выступление. Комитет подобрал 140 добровольцев-канцеляристов, которые начали выписывать необходимые документы каждому солдату. Через 24 часа на базе никого не осталось; последними уехали члены комитета.

Известия о событиях в Фолкстоне распространились с быстротой лесного пожара, несмотря на отчаянные усилия цензуры воспрепятствовать этому. 4 января при-

меру солдат в Фолкстоне последовали 2 тыс. солдат в Дувре; их число удвоилось на следующий день. 6 января 7 тыс. саперов отправились из Шорхэма в Брайтон, где они предъявили мэру требование о демобилизации 1500 солдат транспортного корпуса прошли маршем из Шортлендса в Бромли (графство Кент), где власти дали им заверение, что «большие пополнения отправляться не будут» и что 8 января начнется демобилизация. В Лондоне отказались ехать в Салоники 400 солдат.

Однако крупнейшим событием в тот день был инцидент в Остерли-Парк (поместье в нескольких милях западнее Лондона, превращенное в транспортную базу), где 1500 шоферов, которые до военной службы в большинстве работали на автобусах, захватили грузовики и отправились в столицу. Под громкие приветствия населения они проехали по Стрэндю, а затем по Уайт-Холлу с лозунгами: «Мы хотим немедленной демобилизации!» и «Война кончилась, мы не будем сражаться против России!». 7 января сотни солдат различных родов оружия устроили демонстрации на крупной военно-морской базе в Чатеме, а также в Бристоле, Илфорде и Мейдстоне (здесь участвовали в демонстрации три полка). 8 января 4 тыс. солдат транспортного корпуса в Парк-Ройял — большой транспортной базе в Западном Лондоне — направили депутацию в военное министерство, где упоминавшийся выше сэр У. Робертсон заверил их, что «они не будут посланы в Россию». Такие же заверения были даны полку шотландской легкой пехоты в Эдинбурге. Сотни солдат военно-воздушных сил демонстрировали в Хайте и Фолкстоне. Повсюду выборные комитеты сами разрабатывали свои планы демобилизации по образцу, выработанному в Фолкстоне. В Дувре отказался грузиться на суда гвардейский батальон, в Росайте не вышли в море минные тральщики, в Кале артиллеристы освободили своего арестованного вожака и добились отмены приговора военно-полевого суда, в Дюнкерке 178-я бригада вручила своему генералу предупреждение о стачке...

Таковы были лишь некоторые из многих замечательных выступлений солдат в первой декаде января 1919 г., отмеченных не только в социалистической печати, но также в «The Times» и других буржуазных газетах¹.

Под влиянием антивоенных выступлений в армии правительство вынуждено было ускорить темпы демобилизации. Если за первую неделю января демобилизовывали по 10 тыс. человек в день, то на следующей неделе это число увеличилось до 20—25 тыс. человек в день. К 15 января было демобилизовано почти 500 тыс. человек, а к 31 января почти миллион. К 24 апреля количество демобилизованных превысило 2,5 млн. человек. Летние наступления белогвардейских генералов в России, на которых правительства Антанты возлагали большие надежды, несколько замедлили процесс демобилизации. Однако демобилизацию пришлось возобновить, и к 24 июня из армии ушло уже около 3 млн. человек. Это число увеличилось до 3,5 млн. к 26 октября и почти до 4 млн. к середине декабря. Все эти цифровые данные были обнародованы военным министром и опубликованы в «The Times».

Практически вся основная масса армии военного времени, существовавшая к моменту подписания перемирия с Германией, растаяла за 6 месяцев 1919 г. под непреодолимым нажимом самих солдат. Для того, чтобы довести интервенцию в Советской России до ее бесславного конца, могли быть использованы только те, кого правительству удалось отправить на Север России до конца 1918 г., а также те, кого офицерам удалось угрозами или обещаниями завербовать «добровольно».

Что же происходило тем временем с нами в Стокхендже? Утром 4 января 1919 г. мы услышали первые отрывочные известия о событиях в Фолкстоне и Дувре, вызвавшие на аэродроме оживленные разговоры. В тот же вечер солдаты, возвращавшиеся из находившегося в 2,5 км от нас большого постоянного лагеря в Ларкхилле, где было размещено много тысяч солдат, рассказали, что «австралийцы сорвались с цепи» и «крушат все вокруг». На следующее утро мы увидели клубы дыма, поднимавшиеся над Ларкхиллом. Вскоре стало известно, что солдаты из доминионов подожгли гарнизонный театр, который давно мозолил им глаза из-за вывески «только для офицеров и старших унтер-офицеров». В течение 24 часов почти на всех аэродромах, расположенных на Солсбери-Плейн, были выбраны комитеты летчиков. Им же шли приготовления к выборам.

¹ «The Times». 6. 7. 8. 9.1.1919; «The Herald». 11. 15.1. 1.11.1919; «The Call», 9, 11.1.1919.

Мне показалось, что наступил подходящий момент и для нас. В то же утро я собрал нашу маленькую группу «пополнения для Архангельска» и предложил им обратиться через меня на следующий день к нашему командиру. Я должен был сказать ему, что все мы в декабре отказались поехать добровольцами на Север России, что мы считаем войну там незаконной и противоречащей обязательствам, которые мы дали при вступлении в армию, и поэтому просим его либо обещать немедленную демобилизацию, либо (в строгом соответствии с уставом армии) отправить меня к командующему округом для того, чтобы изложить ему наши требования. Мои товарищи, разумеется, согласились от всей души. Когда я явился к командиру и сказал ему то, о чем мы договорились, он ответил (вся эта сцена и слова четко запечатлелись у меня в памяти): «Капрал Ротштейн, передайте, пожалуйста, пошлению, что я вполне понимаю их нежелание ехать в Россию. Скажите им, что все мы хотим как можно скорее вернуться к гражданской жизни и что, кстати говоря, нас только что уведомили, что демобилизация начнется в пятницу».

Я поблагодарил его за это сообщение и поспешил к своим товарищам, которые меня ждали. И действительно, в пятницу (10 января) уже первая большая группа была отправлена в быстро организованные демобилизационные лагеря. Спустя несколько дней демобилизовали и меня. К 20 января я был уже в Оксфорде, одетый снова в гражданское платье.

Такова была лишь крошечная частица тех событий, которые, несомненно, имел в виду В. И. Ленин, когда 17 января 1919 г. говорил о «начавшемся брожении в Англии» и когда четыре дня спустя он написал рабочим Европы и Америки, что «попытки победить Россию, требующие миллионной оккупационной армии на долгое время... есть вернейший путь для самого быстрого перенесения пролетарской революции в страны Антанты»².

В начале 1919 г. английскую армию нельзя было использовать в массовом масштабе в империалистических целях, потому что солдаты устали от войны. Они требовали отправки домой, так как кайзеровская Германия была уже разгромлена. Вместе с тем массовый отказ солдат продолжать войну и участвовать в интервенции против Советской России имел глубокую связь с Октябрем. Под влиянием Октябрьской революции повысилась активность солдат. Антивоенные стачки и демонстрации в английской армии в январе 1919 г. явились огромным стимулом для всех нас — участников движения «Руки прочь от России!», которое возникло через несколько недель.

² В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 375, 413.

